

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора ШОРИН Ю. Четвертое измерение.....	2
История современности ВЕРХОВСКАЯ Л. Смоленское дворянское землячество.....	3
РЯБЧЕНКО Л. «Быть на земле своим и счастливым». Литературно-педагогические чтения «Хранитель родников» и литературно-творческие праздники «Соколов-Микитов – детям», посвящённые жизни и творчеству И.С. Соколова-Микитова	7
БУТЕЕВ Д. Имена, которых нет на карте. Смоленский словарь неофициальных топонимов	11
1150-летие Смоленска ГРИБЕР Ю. Образы Смоленска	12
Просвещение и образование КУРЦАПОВА С. Из истории Рославльской 1-й женской гимназии.....	20
Города Смоленской земли Описание города Гжатска	25
ПРОХОРОВ В. О названиях Гжать и Гжатск.....	28
Музеи Смоленщины ГУРСКАЯ Н. Катынь. Память и правда	30
Воспоминания ЕВТИХОВ А. Кое-что из моей жизни	36
Школьное краеведение МОСЕЙКОВА А. Роль духовенства в войне 1812 года	40
Биографическая летопись ДОРОГАНЬ О. Его «Годы» не подвластны времени	44
Архив КАИЛЬ М. Как «Союз безбожников» веру в народе искоренял. Архивные документы о средствах борьбы с религией на Смоленщине 1920-х гг.	45
Издательства Смоленщины РУДНИЦКИЙ В. Издательство «СГТ».....	50
Книжная полка	51

Редакционная коллегия:

Юрий Шорин,
главный редактор

Леонид Степченков,
заместитель главного редактора

Иллюстрации на обложке:

1-я стр. Осада Смоленска польскими войсками. Гравюра Г. Келлера, 1610 г. Почтовая открытка.
Мученик Меркурий Смоленский.
Н.К. Рерих. 1919 г.

Поправка

В журнале №2 за 2012 г. на стр. 33 неправильно указано имя автора публикации, следует читать Василий Герасимов. В той же публикации на стр. 35 в подписи верхней фотографии правильно «И.И. Бохонок», а не «И.И. Бохоко». Редакция приносит свои извинения автору статьи.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

214000, г. Смоленск,
ул. Октябрьской революции,
14-а, ком. 301.
Тел. (4812) 38-61-10
E-mail: kraismol@mail.ru

Отпечатано в ОАО
«Смоленская городская
типография»,
г. Смоленск, ул. М. Жукова, д. 16,
тел.: (4812) 38-28-65, 59-99-07
Печать офсетная.
Усл. печ. лист 6,5
Заказ № Тираж 400 экз.

КОЕ-ЧТО ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Артемий ЕВТИХОВ

Редакция начинает публикацию мемуаров Артемия Ивановича Евтихова (1867-1952), уроженца Смоленской губернии. Неординарная личность этого человека, дар рассказчика, создавшего живописную картину жизни провинциального Дорогобужа второй половины XIX века, делают эти воспоминания далеко не рядовым историческим и литературным документом. Рукопись мемуаров А.И. Евтихова хранилась у одной из его правнучек, а в современный Дорогобуж была передана его внучкой – Раисой Михайловной Антоновой, проживающей в г. Речице Гомельской области Республики Беларусь.

Из воспоминаний родных известно, что Артемий Иванович был верующим человеком, убежденным толстовцем. В его доме, на стене, висел портрет Льва Толстого, составленный из фраз произведений великого писателя (была тогда такая мода). Вместе с женой А.И. Евтихов вырастил и воспитал 9 детей. Тяжело переживал Артемий Иванович репрессии 1937-1938 гг., когда несколько его детей были объявлены «врагами народа». Последние годы он прожил в Минске, видел зверства фашистов во время оккупации. Тогда он сказал: «Бога нет...». Умер А.И. Евтихов 25 мая 1952 года в Минске, похоронен на Кальварийском кладбище.

Свои мемуары Артемий Иванович написал в Гомеле, в 1924 году.

Мое детство (1867-1877 гг.)

Родился я в городе Дорогобуже Смоленской губернии 12/24 октября 1867 г. Родители мои были Иван Яковлевич Евтихов и Феодора Данильевна (урожд. Першина). По словам отца, при рождении я был слаб здоровьем, а потому крещён в первый же день появления на свет. Имя, которое я ношу, избрано и дано по желанию священника, так как ни одного такого имени, по его заявлению, во всем приходе (около 700 дворов) не было.

Когда мне исполнилось лет 5-6, как передавала впоследствии сестра моя Анна, я в одно время настолько был болен, что находился при смерти, и даже по этому случаю у моего «одра» (постели), по установленному обычаю, зажигалась «страстная» свеча. В семье нашей, кроме меня, были сестры Пелагея и Анна, братья Дмитрий, Василий и Иван (последние двое родились от первой жены отца).

Первые годы моего детства я припоминаю с трёхлетнего возраста, а может быть и раньше. По заведённому исстари обычаю у

моих родителей была неременная священная обязанность посещать церковные службы, привлекая для этого и детей. Для этой цели, как сейчас помню, носил меня на руках в церковь старший брат Василий. Хотя церковь была не вдалеке от дома (саженей приблизительно 200), от которого нужно было делать большой подъём, но тем не менее такое расстояние я ещё, очевидно, не мог полностью проходить. Следовательно, надо полагать, было мне тогда приблизительно около двух лет.

Дом отца был деревянный, состоящий из двух комнат. В первой из них находилась обыкновенная русская печь с большим каменным углублением под ней для хранения мелкого картофеля и обиходных предметов хозяйки: ухватов, кочерги, лопат и проч.; две лавки для сидения, стол, две широкие кровати, посудный шкаф, полати – необходимейшее в каждом «простом» доме приспособление для спанья в период холодов и складывания кое-каких мелких вещей. Это своего рода передняя-кухня-столовая, имевшая одно окно на улицу, а другое – на двор. Во второй комнате, также двухоконной,

предназначенной для приёма гостей и вообще более почётных лиц, имелось несколько простых стульев, стол, зеркало, иконы (из них одна, кстати сказать, принесённая отцом из Киево-Печерской лавры, когда он путешествовал на богомолье пешком, несмотря на семисотверстное расстояние), картины, банки с цветами, кровать в углу, отделенная занавесом; для согревания воздуха имелась изразцовая лежанка – отросток русской печи.

Сзади дома, разделенного сенями с кладовою, находилась «светёлка» с отдельным чуланом для хранения разного имущества. Эта «светёлка»-склад служила вместе с тем и спальнею в нехолодное время года.

При доме был сеновал, хлевы для животных и птиц, погреб, навесы для телег, дров и прочего инвентаря и материалов. Все эти постройки вплотную примыкали одна к другой, образуя круг, т.е., иначе говоря, хозяйский двор, как это вообще принято устраивать у нас на Руси.

Время беззаботного детства летело незаметно. Я подросток, окреп, почувствовал силу, стал весьма быстро бегать и впоследствии свободно пробегал без отдыха трёхвёрстное расстояние. Этому способствовало месторасположение дома: находился в котловине, обогнутой полукругом возвышенностями и обращенной прямо к югу. Припоминаю, бывало, иногда чем-нибудь провиниться и должен быть за это наказан. Если в таком случае приходилось убежать от брата Василия, обязанного наблюдать за мною, то последний никогда не мог меня догнать, и только угрозы о наказании со стороны отца заставляли сдаваться на «капитуляцию», и я останавливался, отдавая себя в руки правосудия. Обыкновенно наказание, за весьма редким исключением, дальше угроз не заходило.

В летние жаркие дни, во время сенокоса, с большим удовольствием я проводил время на лугах, кувыркался в мягком и душистом сене, собранном с лесных полей, изобилующих разнообразными цветами. Это время было для меня самое интереснейшее в жизни, глубоко запечатлевшееся в памяти.

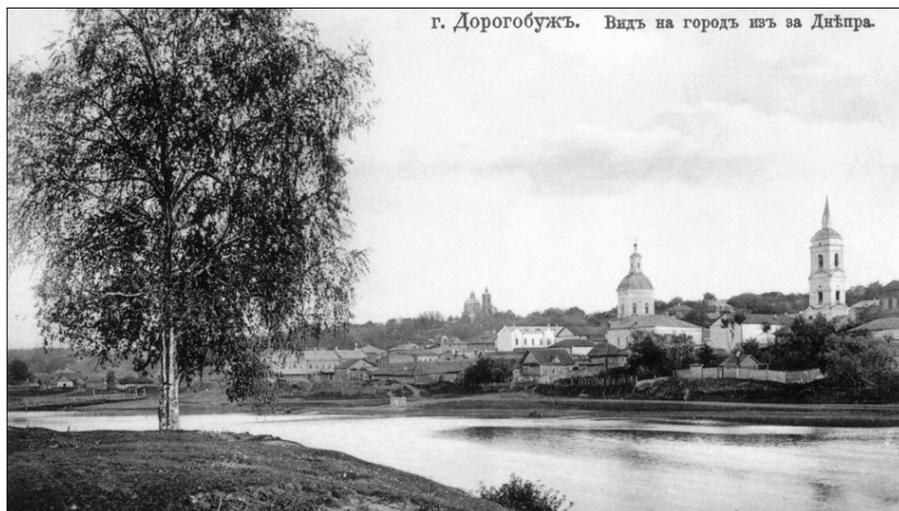
С каким наслаждением, бывало, набегавшись вдоволь, закусываешь в кругу семьи и родных. (У нас были общие с двоюродными братьями луга.) Как приятно было сидеть за трапезой прямо на густой зелёной траве, среди благоухающих цветов, под ветвями высокого развесистого дуба! Это просто-таки напоминало живописную картину библейского Авраама со странниками-гостями. Как были сладки на лугу тогда обыкновенные, чуть сдобренные щи, каша, молоко топленое!

Но не в одной забаве и развлеченьях приходилось проводить такое блаженное время. В мою обязанность иногда, поочередно с братом, входило наблюдать за пасущимися лошадьми и притом очень зорко, так как местность – пастбище – была покрыта в большинстве лесом с небольшими полянами-лугами. На шею лошадей поэтому всегда навешивались бубенчики либо особого вида колокола («балабоны» по местному названию) для того, чтобы можно было слышать, где они пасутся.

Вода для питья на сенокосе постоянно хранилась в дубовом бочонке-баклаге, спрятанном, во избежание согревания, в свежескошенной траве, в тени густых деревьев. Пили эту воду по большей части, за неимением кружек, просто посредством трубочки, заменявшей насос, вырезанной из высокой лесной травы (вид укропа), имеющей пустотелый ствол.

Проведя день на лоне природы в разнообразных развлечениях, за порученным отчасти делом, как любило было возвращаться с сенокоса домой, сидя наверху высоченного воза сена: мягко, как пружина, качает тебя во все стороны, видны разнообразные картины творений природы и искусства! А дома, в своём родном гнезде, после свалки сена, как хорошо, бывало, кувыряться и прыгать с высокой балки «пуни», переворачиваясь в воздухе, прямо на свежее сено, взрыхлённое, как пух.

У меня была какая-то особая страсть смело взбираться ввысь: на деревья, домашние постройки, колокольни и прочее. Это составляло одно из лучших моих развлечений. Обозревая сверху разнообразные

г. Дорогобуж. Вид на городъ изъ за Днѣпра.

**Вид на Дорогобуж с правобережья Днепра.
Почтовая открытка, 1912 г.**

предметы, я любовался всем видимым внизу, вдаль, приходя от сего в восторг. Так и хотелось оттуда лететь, да, к сожалению, недоставало крыльев. Но такая страсть, однако, не обошлась даром: пришлось два раза упасть с деревьев, притом с такою силою, ввиду высоты, что искры из глаз сыпались, и я только благодаря нетвердости почвы и попутных ветвей, нарушивших инерцию, отделался без худых последствий для здоровья.

Невдалеке от моего местожительства (около 1/2 версты) протекала маленькая речонка Ерзовка, как мы, дети, ее называли, берущая поток из-под возвышенности, выбиваясь ключом из-под обрыва. Любил я с друзьями проводить время у этого «живого» источника, густо обросшего зелеными деревьями, кустами и большою травой. Мы собирали в устье этой бурчащей речонки и по берегам ее разноцветные камешки, выбирая из них красящие, годные для рисования картинок. В жаркое же время делали на этой речонке запруды, натаскивая хворосту, земли, дерну, и затем купались в взбурленной воде, отличавшейся, как бы когда не было жарко, всегда постоянным холодом.

Прогулка в это излюбленное место служила не всегда только развлечением, но и пользой: я снабжался иногда заодно мешком, в который должен был нарвать травы для корма свиней. Немало получал я ожогов рук от крапивы сквозь продырявлен-

ные рукавички. Тогда все думалось: зачем создано такое вредное растение, без которого вполне возможно было бы обойтись, не сознавая, что крапива – полезная пища для скота.

Домашние игры у меня с друзьями были весьма разнообразны. Так, например, летом: запускание бумажных змей с бубнами и трещотками под «небеса», постройка домиков, мельниц, тележек, лошадок, вылепливание из глины разных предметов и прочее; игра в «лапту» (перебрасывание мяча ударом палки), в «телепни» (попадание палками в столбики), в «кочерги» (отнятие друг у друга деревянного шара посредством удара по нему палкою с загнутым наконечником, для чего определялись известные расстояния, обозначавшиеся углублениями-ямками), в «бабки» (ножные кости скота), в «солдаты» (маршировка рядами с тростями на плечах) и т.д. Зимой же: катанье с гор на санках, ледянках (обрубленный кусок льда со сделанным углублением; старое решето, облепленное навозом снизу и затем обильно облитое водою и замороженное), катание на «козе» (скамейка на четырех ножках, вставленных в старую доску бывшей сохи, имеющую два согнутых рога, где насаживались лемеша), на коньках, а по не имению последних даже просто на дощечках, подкладываемых под подошву сапог с укреплением веревочками; в оттепель – вылепливание толстеннейших баб из снега, а в весьма большую стужу –

путешествие к друзьям на дом для дружеских бесед, ознакомления с картинками и для прочих развлечений, смотря, так сказать, по наличию имеющегося у того или иного товарища материала.

Не могу также не сказать и о кулачных боях, бывших в период моего раннего детства. Такие бои у нас, в Дорогобуже, существовали, как и везде на Руси, среди народа – любителя боев. Участником в них я не был, но тем не менее ходил, поддаваясь влиянию товарищей-соседей, полюбопытствовать на эту своеобразную «войну».

Бой по большей части проходил осенью, когда все огороды были сняты, на так называемой Золотой Горке. Это одно из возвышений, имевшее уклон из песчаной желтой почвы, напоминавшей как бы оттенок золота. Туда сходились с нашей стороны: «косоровцы», «большаковцы» и другие (жители улиц Косой ров, Большой и проч.) и «слобжане» (жители приднепровного селения, называемого «слободю»). Участники боев были мальчики лет 12-15, а в прежние годы, как часто передавали люди, даже взрослые бородачи.

Первым сигналом к открытию боевых действий служил выкрик нескольких голосов с одной какой-либо более подготовленной к выступлению стороны: «Давай! Давай! Давай!» – зазывали протяжными голосами вояки. Вслед за этим сигналом начинали, медленно надвигаясь, приближаться «армии» одна к другой, чувствуя себя как-то боязненно-нерешительными. Впереди находились обычно более отважные, как это бывает и везде. Они имели засученные рукава, сжатые кулаки и присерьезно-сердитые выражения лиц. Наконец, противники сходились вплотную и начинали «работать»! Каждый боец ударял то одним, то другим кулаком первого попавшегося под руку «неприятеля» по чему попало, входя все более и более в азарт. Обессилевшие через некоторое время в бою или струсившие и не желавшие быть изрядно избитыми, иметь синяки, очутиться в крови, падали на землю. Это был знак примирения (сдача на «капитуляцию»), после чего они не

**Вид на город Дорогобуж с Дмитровского вала.
Почтовая открытка, 1912 г.**

считались уже участниками «сражения». Обычное правило: «лежащего не бьют» соблюдалось всегда в точности. Сами же «капитулировавшие» медленно отползали на четвереньках из «боевой зоны» в сторону, кончая по большей части на этой неудаче свое проигранное дело. Другие же, более храбрые и настойчивые бойцы, продолжали схватки до тех пор, пока, в конце концов, не обнаруживалась явная слабость одной из воюющих сторон, ввиду большого процента убитых из «строя», и тогда побежденные позорно отступали.

Если же иногда внезапно появлялся с нашей стороны, если она поколебалась, на подмогу Алешка Шуга (так звали одного очень бойкого и обладавшего большою силою мальчишку-подростка), тогда сразу возрождался упавший: «Ребята! Алешка Шуга идет! Бей их! Вперед, ребята!» – раздавались тогда громкие одобрительные голоса, и затем вскочивший в самую гущу Алешка начинал толкать врагов, что называется, швырять в разные стороны, подбадривая этим товарищей и в то же время наводя панический страх на противников. Результат сражения сразу же сказывался: побежденные один за другим «складывали оружие» и, будучи сконфуженными, с понурыми глазами постыдно удалялись восвояси.

Недолго мне пришлось наблюдать такие добровольные весьма вредные бои, этот пережиток темной

старины, так как таковые, очевидно, сами собою исчезли, по наступлении среди народной массы кое-какого самосознания, уважения к личности человека-соотечественника, а также, может быть, вследствие запрета, как говорили, со стороны властей.

За городом, на расстоянии около двух верст, протекала небольшая река, впадавшая в Днепр. На эту реку, обросшую ивами, ольхою и прочей растительностью, я в сопровождении товарищей отправлялся иногда в более теплое время для ловли рыбы сетью (саком, как у нас называли). Ловля происходила таким способом. Посреди реки, вниз по течению, ставилась сеть, которая поддерживалась с боков двумя мальчиками. Другие же мальчики, отойдя на некоторое расстояние от сети, входили в реку, имея в руках короткий брусом, и начинали ударять ими в воду, гоня таким способом пред собою в сеть в взмученной воде напуганную рыбу. Замечательно то, что при такой ловле щуки весьма редко попадались. Они обыкновенно, ударившись в сеть, удирали обратно, быстро промчавшись иногда даже между ног нас, рыбаков.

Приходилось изредка, подражая другим, ловить также и раков, для чего применялся самый простой способ: добыча их голою рукою из-под берега реки или из-под курча дерева. Но это развлечение, признаться, было для меня из весьма неприятных: ибо случалось, что рак своею

острою клешнею до боли сдавит тебе палец руки, если не успеешь его быстро обхватить, то попадетсЯ иногда строптивый скользский-пре-скользский налим, напоминающий змея и поэтому вызывающий не только какую-то робость, но и, как имеющий слизистую оболочку, особое чувство гадливости,

Завидую охотникам, приносившим дичь из леса, однажды я с друзьями возымел желание также, в свою очередь, поохотиться. Мы отправились в местность, поросшую кустарником, невдалеке от Днепра, залитую частью водою с выступавшими из-под нее моховыми кочками. Мы были, разумеется, без ружей, лишь с голыми руками, в засученных выше колен штанишках, надеясь на свою прыткость и желая все же испробовать и в этой отрасли счастья. Дошли по назначению, разбрелись, как следует, в рассыпную и стали разыскивать добычу, наивно думая, что таковую легко можно взять голыми руками. Проходя по зарослям еще вдали, наша добыча, о которой мы всю дорогу мечтали и говорили, быстро поднималась пред нашими глазами кверху и мгновенно уносилась вдаль, громко похлопывая крыльями и скрываясь из виду. Так мы безуспешно долго бродили, замочив свои штанишки. Но, в конце концов, однако мне повезло. Случайно подошел я вплотную к гнезду одной утки, которая моментально ринулась от меня, а ее утята один за другим быстро юркнули, кто куда мог, причем один из них спрятался на моем виду в воду, показав сверху кончик хвоста. Я мигом наскочил на него и быстро извлек утенка из воды, будучи весьма рад такой неожиданной добыче. В этот момент, как назло, вдруг предстал предо мною неизвестный человек, сказав: «Мальчик, покажи мне, что это за птица». Я исполнил его желание, ничего худого не подозревая, но неизвестный, положив утенка в свою сумку, и был таков, невзирая на мою усердную просьбу вернуть добычу. Таким образом, мое моментное восторженное настроение внезапно сменилось горестным, с которым я и отправился восвояси.

В детстве я был также любителем всевозможных устройств и, между

прочим, возымел желание создать своей работы стенные часы. Выпилил дубовые кружечки, вымерив их циркулем, вырезал зубчики, сделал шестерни, маятник, и все честь честью, что следовало. Собрал механизм, думал, что все одолел. Но когда попробовал ход, то таковой оказался никуда не годным. Так мой труд и пошел насмарку.

В теплые летние дни иногда приходилось ездить с братом на лошадах в ночное, по большей части к мельнице, так называемой «Шагирке». Приятно было проводить там время, иногда целые бессонные ночи при зажженном костре. Любил я эту местность, увлекался красотой росших там деревьев, зелеными лугами, блестящим на солнце прудом с подпрыгивающими серебристыми рыбками, с постоянно шумевшею водою на мельнице и монотонными звуками жерновов и колес, издававших свое бесконечное: туг-туг, туг-туг, туг-туг.

В большие праздники родители направляли меня в местный «кострог» (тюрьму) с подаением (пищевые продукты) для вручения в пользу заключенных, что требовалось в исполнение христианского закона о любви к ближнему. Когда, бывало, подходишь к тюремной двери, надзиратель через слуховое оконце вопрошает: «К кому? Зачем?» и получив надлежащий ответ, впускает за дверь и затем привычно выкрикивает: «Староста под ворота!» Явившемуся на зов старосте-арестанту я передавал подаение, за которое он выражал благодарность и которое шло на общую пользу заключенных.

Так вот протекал этот период раннего детства, когда требовалось только весьма малое, более легкое да и то главным образом в теплую летнюю пору.

Первая грамота (1875-1876 гг.)

По достижении семилетнего возраста я был отдан к дьячку для обучения грамоте. Предварительно моя мать, по заведенному от прабабушек обычаю, водила меня в церковь, где по ее заказу был отслужен пред иконой пророка Наума молебен для того, чтобы я лучше постиг грамоту,

чтобы, как выражались тогда, был «наставлен на ум». Плата за право учения установлена была 30 коп. в месяц.

У этого дьячка тогда находилось около шести человек учащихся-малышей. Грамота преподавалась только на церковно-славянском языке. Каждый из учащихся обязан был всегда иметь при себе указку – деревянную, гладко оструганную палочку. Весьма трудно приходилось на первых порах припоминать, то есть различать буквы, которая из них называлась, например, «кси», которая – «пси» или «ижица». А в особенности нелегко давалось изучение складов, когда приходилось произносить, не зная твердо, буквально так: «букиазба», «ведиазба», «глаголязба» и т. д. Напряжение мозга делалось до появления пота, напрягались жилы. Туго давалась эта устаревшая грамота и в дальнейшем даже при чтении целых слов, так как немало из них было сокращенных, под замысловатыми разновидными титлами. Сердит «зело» был наш дьячок-преподаватель. Немало от него нам, школярам, доставалось то щелчков, то толчков, каковое физическое воздействие, по его словам, необходимо было «для вящего разумления». В дни отсутствия дьячка или же когда он был пьян, находясь в кровати, обучала нас его жена. Обращение ее с нами было очень мягкое, нежно-материнское, почему чувствовалось, что и обучение спорилось, делалось более легким, понятным, ибо давалась возможность подумать, сообразить. Так и желалось, чтобы дьячок постоянно отсутствовал и она, его жена, всегда была бы нашей наставницей. Добрая была эта женщина-труженица, вкладывавшая много забот и энергии в свое домашнее хозяйство.

По окончании азбуки, которую пришлось буквально истрепать от долгого употребления, началась зубрежка «псалтыри», «часовника», каковые «учебники» за годичный период времени с немалою трудностью и удалось кое-как закончить. После этого я с радостью оставил эту своеобразную частную бурсу.

Продолжение следует.